«СПб. ведомости», но определенно имели возможность знакомиться и с другими периодическими изданиями.[13]

Следовало также привлечь и лейпцигскую журнальную и книжную продукцию того времени. Это в какой-то мере помогло бы ответить на поставленный вопрос. Уже только беглое знакомство с журналами, выходившими в Лейпциге в конце 1760-х—начале 1770 годов, показывает, что бóльшая часть из них издавалась профессорами Лейпцигского университета (Шоттом, Швабе, Гогенталем), у которых, как уже отмечалось выше, занимался Радищев. Поэтому мало вероятно, чтобы он не был знаком с этими журналами, тем более что содержание их очень разнообразно и интересно. В журналах печатались статьи по экономике и истории, философии и теории литературы. Ряд статей посвящен вопросам, стоявшим в центре внимания тогдашней мировой общественной мысли, там были также статьи о созыве в России Комиссии для сочинения проекта Нового уложения, о крепостном праве, положении крестьян, состоянии русской литературы. Трудно предположить, чтобы все это проходило незамеченным в студенческой колонии.

Почти не затрагивается в книге последний период жизни Радищева в Лейпциге — 1770—1771 годы. Ничего не говорится об отъезде в Петербург, об устройстве на службу и т. д.

Следует также упрекнуть автора в недостаточной аргументации некоторых положений. Так, к примеру, приходится верить автору на слово, когда он утверждает, что коллективные письма студентов, относящиеся ко времени бунта, и расписка в получении денег накануне отъезда в Россию в 1771 году составлены и написаны С. Яновым (стр. 177—178) (вопреки другой точке зрения о принадлежности писем Ф. Ушакову). Возможно, это и так, но, во-первых, это положение никак не обосновывается, а во-вторых, даже если письма действительно написаны рукой Янова, то и это еще не означает, что сочинены они были им одним, а все остальные студенты лишь согласились с их содержанием, поставив свои подписи.

В книге выдвигается несколько гипотез, документально никак не подтвержденных. В таком случае, может быть, их следовало бы облекать в менее категорическую форму. Так, например, из того, что Белосельский в 1771 году написал Панину рекомендательное письмо с высоким отзывом о Радищеве, делается вывод, будто Радищев предполагал избрать своим поприщем дипломa-

[13] См. об этом подробнее наше сообщение «О связях с Россией А. Н. Радищева в лейпцигский период» в сборнике «XVIII век» (вып. 3 Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 527—537).